

После катастрофы

В 1992 году было подписано Соглашение о международном сотрудничестве по проблемам минимизации последствий Чернобыльской катастрофы между Комиссией Европейского Сообщества и чернобыльскими ведомствами Беларуси, России и Украины.

Кроме базовых целей по исследованию радиационной безопасности, договор между КЕС и СНГ включает такие важные задачи, как обеспечение объективной научной информации стран Европейского Союза и СНГ по вопросам уменьшения последствий радиоактивных выбросов вследствие катастрофы на здоровье людей, социально-экономического возрождения загрязненных территорий, планирования чрезвычайных ситуаций и управления ядерными авариями и др.

В настоящее время соглашение охватывает десять экспериментальных и шесть теоретических проектов. В рамках проекта № 9, к примеру, сообщают действующие украинские и шведские ученые, которые изучают воздействие радиации на дикую природу зоны отчуждения.

Предлагаем читателям «Вестника Чернобыля» своеобразный репортаж об этих исследованиях одного из шведских участников научной экспедиции Йорана БЕНГТ-СОНА.

Шведские и украинские ученые работали вместе в этой безлюдной зоне для выяснения, кроме всего прочего, процесса переноса радиоактивных веществ от кормовых растений к диким копытным животным, в рассматриваемом случае — к диким кабанам и косулям. Это изучение представляет собой часть более обширной международной программы исследований в Чернобыльской зоне, цель которой — проследить путь движения радиоактивных веществ из почвы к людям. Шведские ученые получили это задание потому, что такое исследование они уже выполняли на шведских оленях. Были направлены четыре экспедиции в один год — в каждое время года. Каждый раз были застрелены шесть диких кабанов и столько же косуль. Вот почему мы находились в этой запретной зоне — для проведения исследований и написания репортажа. Карта, которую я получил от единственного шведа-участника октябрьской экспедиции — Улофа Эриксона из института биологии растений при Упсальском университете — показывала загрязнение почвы. В наиболее загрязненной местности было зарегистрировано 1,5 млн. беккерелей/м² и даже больше.

Это бросается в глаза и бросает в жар, когда мы на рассвете проходим через контрольно-пропускной пункт, направляясь в запретную зону с ее шлагуамами, дозорными патрулями и предупреждающими объявлениями, снабженными международными знаками, предупреждающими о радиоактивности.

ШЕСТЬ МУЖЧИН И ДВЕ ЛАЙКИ. Я вспоминаю, что много лет тому назад я учился у оружейного мастера Парфорса. Как-то он сказал:

— Радиоактивность невидима, у нее нет запаха, она неслышима, у нее нет вкуса, а обнаружить ее можно только с помощью прибора.

Однако это — не то излучение, которое ощущается кожей, оно не причиняет боли. Наш зеленый, как военные автомобили, микроавтобус с приводом на все четыре колеса выпускает пары бензина. Поэтому иногда возникает сомнение: можно ли внутри него закурить сигарету?

В течение 16 — 17 часов в сутки этот автобус был нашим вторым домом. В нем мы джемали под длинным транспортером, пили чай, беседовали и смеялись. Мы — это шофер и охотник Василий, похожий на казака, он водит автомобиль, как казак управляет конем; его шури Виктор, который наряду с охотничьей собакой Дунаем и лайкой Амуром и быстро научился улыбаться; лесничий Николай

с лайкой Индусом, которая, как говорят, может носиться, подобно самолету-истребителю, по охотничьим угольям всего бывшего Советского Союза; переводчик Валерий, Улоф и я. Из них только Валерий не увлекается охотой, и когда все остальные сидели в засаде или шли на облаву, он утешался, читая роман Десмонда Бэгли.

— Не пиши, что это — охота, — уговаривает Улоф Эрикссон. — Это — сбор материалов, и единственное сходство с охотой состоит в том, что мы делаем опыты с мертвой дичью самым безболезненным для животных способом, какой только возможен.

МИЛЯ ЗА МИЛЕЙ. Мы — единственное транспортное средство на пустынных дорогах, на обочинах которых растет трава, высокая, как рожь, с такими же, как у ржи, колосьями. Это — бесконечная ранце обрабатывавшаяся земля, заросшая поля, посаженный лес и влажные поты — все резко изменилось после события, происшедшего 26 апреля 1986 г.

Мы проезжали заброшенные колхозы, где стояли безжизненные длинные животноводческие помещения, и жилые дома, покинутые с такой быстротой, с какой оставляют тонущий корабль. Теперь этот уладок сам по себе удручает нас все больше и больше.

Через запотевшие стекла микроавтобуса мы видели промышленные предприятия, которые уже никогда больше не будут ничего производить. Мы видели также, как на рассвете над озерами и каналами тянулись стаи диких уток. В одном из болот стоял второй по размерам самец лоса, которого я видел в жизни. До появления в этой запретной зоне я лишь один раз видел большего.

СПИСАННЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА. Слева от дороги выстроились целые ряды бронетранспортеров, пожарных автомобилей, грузовиков, автобусов, обычных легковых автомобилей и вертолетов, большей частью предназначенных для вооруженных сил многих стран и свергающих в лучах восходящего солнца. Эти машины уже сделали свое дело. Они были собраны здесь после участия в авиационно-спасательных работах на Чернобыльской АЭС. Они будут стоять здесь до тех пор, пока не проржавеют как гвоздь, так как они настолько загрязнены радиоактивными веществами, что их никогда больше уже нельзя будет использовать. Они представляют собой целое состояние как материал, и кто-то уже обнаружил эту «золотую жилу», так

как после ухода охраны со сто рожевых выпек весь забор был разрезан на куски. Открытые капоты двигателей и сто-метровые ряды автомобилей без колес свидетельствуют о том, что исчезнувшие вещи поступили на рынок, где никто не знает об их происхождении и никто, возможно, и не посоветует спросить об этом.

Из покинутого села мы отправились в болотистую местность, пересеченную открытыми канавами и поросшую камышами, высотой больше человеческого роста. Мы увидели следы диких кабанов, пересекающие сельскую улицу, и кабанов, лежащих за пределами села в осушенном болоте.

Вчера вечером зоолог Герман застрелил кабана, весом 200 кг, после промаха милиционера Сергея, а кабан побежал прямо в ловушку, установленную каким-то браконьером в заборе фруктового сада, где вот уже в течение девяти сезонов никто не собирал яблок. Там кабан повалился навзничь, затем встал на задние ноги, на высоту более двух метров, а потом получил последнюю пулю. В тот день Герман показал свое охотничье мастерство.

ДИКИИ КАБАН В ОХОТНИЧЬЕМ ЗАГОНЕ. Василий, Виктор и я пошли на охоту вместе с Дунаем и Амуром. На расстоянии нескольких миль (Шведская миля равна десяти километрам. — Прим. ред.) нет ни одной живой души. Если заблудиться, то спросить дорогу не у кого, и я предупредил Василия, что если в этих камышовых джунглях он уйдет от меня далеко вперед, то ему придется искать меня во Владивостоке, на побережье Тихого океана.

— Ха-ха-ха, Владивосток! — рассмеялся он, и мы вместе с нашими собаками на поводке двинулись в путь вдоль какой-то канавы для сбора научного материала.

Я протянул Василию заряженный ружье.

— Стреляй! — говорю я ему по-английски, но он отказывается. — Пусть стреляют гости!

Мы не находим общего языка. Но в конце концов мне удалось убедить его в том, что если в первый день репортажной поездки я буду стрелять не из фотоаппарата, а из охотничьего ружья, то это можно будет охарактеризовать как неисполнение служебных обязанностей и грубое неуважение к мозгу руководителя.

Когда Василий взял ружье, из-за моей спины вдруг появился молчаливый Николай. Не говоря ни слова, он засунул в голенище моего сапога большой охотничий нож. Таким образом, все-таки я уже кое-чем вооружился. По-видимому, в Украине его уважают за его кабанов. Люди доверяют нескольким дециметрам холодной стали, которые могут сделать то же, что и клыки дикого кабана.

Мы шли вдоль какой-то широкой канавы, так как мы должны были начать путь в другом ее конце, но уже через 100 м наши собаки что-то почуяли и натянули поводки. Оказалось, что поблизости находится дикий кабан. Начав облаву, мы рукой подали знак Улофу и Герману, а также Николаю, заседавшему позади в засаде. Мы пробрались через камыши, затем собаки были отпущены, и никто из нас больше уже не думал о том, что мы находимся здесь потому, что на атомной электростанции произошла авария, и о том, что почва и растения радиоактивны.

Йоран БЕНГТ-СОН
(Продолжение следует)

За пределами слышимости началась охотничья облава, и где-то далеко-далеко один за другим раздались четыре ружейных выстрела. Мы стоим в центре украинского села, в котором на обеих сторонах сельской улицы почти на километр в обоих направлениях выстроились ряды деревянных домов, и ждем возвращения Николая и его Дуная. Часть низких окон этих домов заколочена гвоздями, но только немногие. Другие, с выбитыми стеклами, зияют пустотой, а внутри, за рваными кружевными занавесками, видна скромная меблировка. И ни одного человека!

Не слышно ни звука, только наши громкие голоса нарушают эту тишину. Когда же опускаются сумерки, то тишина усиливается еще и потому, что ни в одном из всех домов, расположенных вдоль длинной сельской улицы, не зажигается свет. Ни в одном сарае никто не звякает цепями, не мычит ни одна корова, не лает ни одна собака, по сельской улице не бежит ни один ребенок, не открывается ни одна дверь. Борис, или, как можно его называть, владелец дома № 25, возле которого мы стоим, не открывает калитку, а перелезает через забор, чтобы сделать все дела до вечера. Вокруг только тишина, мрак, отсутствие жизни и запустение, а когда на другой стороне большого болота, где начинает подниматься вечерний туман, воем какая-то волчья стая, то это ощущение запустения усиливается.

УДРУЧАЮЩЕЕ ЗАПУСТЕНИЕ. В этом большом украинском селе так будет всегда. Никогда здесь больше не будут жить люди. Никто из них никогда уже не возвратится в эти, казалось бы, хорошо построенные дома, бесхитростно украшенные ветками с яркими цветами. И ни их дети, и ни их внуки. Все те, которые были вынуждены оставить мебель, домашние вещи и обувь на крыльце, и оставили входную дверь незапертой, — никогда уже не возвратятся домой и, вероятно, до конца жизни будут проживать в каком-нибудь бетонном гетто, далеко от того села, где они родились и выросли.

И здесь, в темноте, тишине и запустении, меня осенила мысль о том, что такой, возможно, была Европа в средние века. После эпидемии чумы. Вымершие села, застроенные низкими деревянными домами, — и ни одного живого человека. Только тишина, мрак и удручающее запустение. И вой волков.

Но это — не середина XIV века, и мне это вовсе не приснилось. Это — октябрь 1994 года, а я нахожусь в запретной тридцатикилометровой зоне, окружающей поврежденный ядерный реактор Чернобыльской АЭС, сопровождаю экспедицию, выполняющую шведско-украинскую научно-исследовательскую программу.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЕ. Восемь с половиной лет тому назад весь мир, затаив дыхание, узнал о полном разрушении четвертого реактора Чернобыльской АЭС, а радиоактивные осадки распространились даже до Скандинавского полуострова. В то время, когда мы беспокоились о влиянии радиоактивного цезия на почву, растения, лесей, косуль и оленей, а предельно допустимое значение радиоактивности мяса диких животных на всякий случай было повышено от 300 до 1500 беккерелей/кг, — в это время из наиболее опасной местности, окружающей Чернобыльскую АЭС, было эвакуировано 78 тыс. человек.

Три года тому назад (эта статья написана в октябре 1994 г. — Прим. ред.)